

Ю.А. Зеленин

Базовые компоненты идеологии классического народничества в России

В прошлом для марксистской общественной историографии было характерно догматизированное представление о русском народничестве как преимущественно мелкобуржуазной идеологии и политическом движении. Но в последние годы начинает утверждаться концептуально новая точка зрения на классическое народничество, согласно которой это широкое и влиятельное культурное явление общенационального масштаба [1]. Феномен народничества не вмещается в рамки стереотипного понимания идеологии только как системы взглядов и идей, отражающих коренные интересы исторически конкретного социального слоя или класса. Русское народничество всегда позиционировало себя как общенародное мировоззрение и оставило глубокий след в общественной жизни и культуре не только России и ближнего зарубежья, но и мира в целом.

Естественно, что и политическая идеология как важная часть народнического мировоззрения выходит за классовые рамки. Так, если либерализм и даже марксизм, согласно Т.И. Ойзерману [2], не только суть идеологии исторически определенных классов буржуазии и пролетариата, но и провозглашение и теоретическое обоснование общечеловеческих демократических и гуманистических ценностей, то это в полной мере относится и к народничеству. Если таким общечеловеческим императивом для либерализма является свобода, то у народничества это синтез индивидуальной свободы, социальной справедливости и ненасильственного преобразования мира политики.

Сущность народнического дискурса состоит как раз в его диалогичности, преодолении отчуждения (между личностью и обществом, интеллигенцией и народом) и стремлении к синтезу тех национальных ценностей, которые в иных идеологиях (марксизм, либерализм) оказываются несоединимыми, например, личность и общество, свобода и справедливость. Именно эти особенности народнического дискурса позволяют приверженцам наднациональных идеологий: марксизма и либерализма обвинить народничество в противоречивости и синкретичности.

Народничество – это стремление к минимизации крайностей славянофильства, ведущих к культурной самоизоляции, крайностей западничества, могущих стать причиной растворения собственной культурной идентичности в западноевропейской, крайностей социализма, доходящих до казарменного коммунизма, крайностей либерализма, ведущих к социально-эко-

номической «антропофагии», осуществляемой якобы во имя свободы.

Поэтому народнический дискурс сближает многих так называемых хрестоматийных западников (К.Д. Кавелин, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский) и славянофилов (И.С. и К.С. Аксаковы), а также «почвенников» (Ф.М. Достоевский) и собственно народников (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский).

При этом необходимо учитывать их порой разное понимание общественного смысла и оценку тех ценностей, которые надлежит синтезировать ради национальной консолидации.

Лейтмотивом народнической идеологии является стремление предельно сократить и оптимизировать полномочия государственной власти и минимизировать принуждение со стороны государства в отношении общества во всех его проявлениях. Из этого неприятия народничеством произвола и насилия со стороны действующих государственных институтов логически вытекают его антиэтатизм, федерализм и социализм. Безусловно отвергая принцип авторитаризма, принуждения и насилия как основы организации общества, народники расходились только в вопросе моральной недопустимости насильственных методов борьбы и самозащиты.

Идея созыва Земского собора (Учредительного собрания) всегда была приоритетной для русского классического народничества по отношению к тем или иным формам преобразования социально-политического строя в России. Приоритет признавался даже рьяными сторонниками террористических методов, что видно из обращения Исполнительного комитета русской социально-революционной партии «Народная воля» к американскому народу, в котором осуждалось политическое убийство президента Дж. Гарфилда в 1881 г.: «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где *свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей* (выделено мною. – Ю.З.) – в такой стране политическое убийство как средство борьбы есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своею задачею» [3, с. 50].

Государственнический авторитаризм П.Н. Ткачева и, тем более, политический аморализм и экстремизм С.Г. Нечаева были чужды большинству народников, считавших, что любую цель, даже хорошую, обесцеляют чудовищные средства. Народники безоговорочно

отвергали объективную неминувость насилия как средства, как «повивальной бабки истории». Социальная революция в понимании народников никогда не отождествлялась с насильственным переворотом, полагавшимся возможным и крайне нежелательным ее следствием.

В массовом сознании российского общества прочно закрепился миф о народниках как преимущественно террористах. Основным источником этого мифа послужила сталинская интерпретация истории народничества. Этот миф жив не только в массовом сознании, но и в научном сообществе. Террор безусловно отвергался родоначальниками классического народничества в лице М.А. Бакунина и А.И. Герцена. Другие видные народники – Н.А. Морозов, П.А. Кропоткин, Л.А. Тихомиров, признавая первоначально определенное значение террора как метода политической борьбы и прежде всего самозащиты, позднее пришли к его критике.

Наиболее же последовательно отрицание насилия как способа регулирования и устранения социальных противоречий, как метода борьбы и как способа социальной самозащиты в совокупности в народничестве воплотилось в религиозном анархизме и политическом непротивлении злу насилием Л.Н. Толстого.

А.И. Герцен предпринял попытку секуляризованного обоснования своей авторской версии философии ненасилия: «Вы находите, например, непоследовательным, что человек, не верующий в будущую жизнь, вступает за настоящую жизнь ближнего. А мне кажется, что только он и может дорожить временной жизнью своей и чужой; он знает, что лучше этой жизни для существующего человека ничего не будет, и сочувствует каждому в его самохранении...» [4, с. 419]. К концу жизни он окончательно пришел к выводу, что проповедь и убеждение являются наилучшими средствами коренного изменения самих основ жизни современного гражданского общества.

В целом же народники, не отрицая роли борьбы, не признавали ее основным как биологическим, так и социальным (в том числе и экономическим) регулятором. Это относится и к классовой борьбе. Они были противниками социал-дарвинизма. Если религиозные народники главным регулятором мира, как животного, так и социального, считали любовь, идущую от Бога, то атеистическое народничество (в особенности Л.И. Мечников и П.А. Кропоткин) отдавало приоритет закону взаимопомощи (солидарности, кооперации) перед законом борьбы.

Русский социализм как важный компонент идеологии народничества и как национальная разновидность европейского социализма, разумеется, не избежал идейного влияния западноевропейской мысли, хотя на его генезис и эволюцию решающее воздействие оказали все же иные факторы.

Основными предпосылками для разработки народнического варианта социализма явились культурно-исторические особенности России с ее православно-христианскими и общинными традициями, а также осознание частью русской интеллигенции необходимости преобразования существующего социально-политического строя России на базе традиционных национальных ценностей. Частичное политическое и экономическое превосходство западноевропейских стран они признавали, но отвергали только идею универсальности их пути развития. В социальном и экономическом отношении эта критика Запада выразилась в отрицании буржуазно-капиталистического пути развития с его «язвой пролетариата».

Русский народнический социализм, изначально развиваясь в двух формах – светской и религиозной, получил прежде всего этическое теоретическое обоснование. Но если светский социализм ищет корни нравственности, добра и социальной правды в Природе, то религиозный социализм источником высших ценностей считает Бога. Естественно, что как светский, так и религиозный варианты социализма могут быть и ненародническими. В первом случае это например, марксистский социализм с его апологетикой классовой борьбы и этатизма. Во втором случае это «христианский» социализм позднего К.Н. Леонтьева, который тоже обладал ярко выраженным этатистским характером и должен был создать, по его мнению, уже новое социальное неравенство.

Основными концепциями светского народнического социализма являются «русский социализм» А.И. Герцена и «самоуправленческий», земский социализм М.А. Бакунина. А.И. Герцен под русским социализмом понимал «социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного надела и общинного управления, – и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука» [4, с. 193].

А.И. Герцен подчеркивал, что его русский социализм не является сугубо аграрным: «“Колокол” был и будет, прежде всего, органом русского социализма и его развития, – социализма аграрного и артельного, сельского и городского, государственного и областного» [5, с. 193]. И все-таки ставил акцент на общинном владении землей; он считал его главным экономическим фактором, благодаря которому социализм в России станет реальностью раньше, чем в Западной Европе.

М.А. Бакунин в основу своей концепции положил идею свободного и всестороннего развития местного народного самоуправления. Он считал, что идея земского социализма могла реализоваться либо добровольной самореорганизацией централизованного имперского строя в земскую федерацию, либо при-

нудительным социальным переворотом «снизу». Для М.А. Бакунина характерен безусловный приоритет социальности над государственностью.

Идею религиозного народнического социализма, начиная с М.А. Фонвизина, развивали в XIX в. Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой.

Так, еще М.А. Фонвизин, которого с полным правом можно считать прямым предшественником народничества, пишет в 1849 г. статью «О коммунизме и социализме» и в ней утверждает, что в современном ему европейском социализме есть социальная правда и ей в синтезе с христианством принадлежит будущее. Но само утверждение идеалов социализма должно носить, по М.А. Фонвизину, ненасильственный характер. Мыслитель настаивал на необходимости сохранения сложившегося общинного землевладения в России. Как и А.И. Герцен, он считал, что благодаря этому фактору социализм в России, при условии ликвидации крепостнического самодержавия, упрощается раньше и безболезненней, чем в Европе.

Ф.М. Достоевский также развивал религиозную концепцию православного народнического социализма. Он критиковал политический (атеистический) социализм и видел его корни в западном католичестве. Ф.М. Достоевский верил, что русский народ, несмотря на все выпавшие на его долю невзгоды и совершенные им ошибки, сумеет, в конце концов, создать общество великой гармонии и братского согласия, что восторжествует «социализм народа русского». В общинном строе, существующем в русской деревне, он видел смысл и надежду, чего, по его мнению, западные идеалы дать не могут.

Христианский социализм Л.Н. Толстого не опирается на традиционные вероисповедания, и католицизм, и православие, и протестантизм для него – это отступления от истинного христианства, т.е. все они суть лжеучения. Л.Н. Толстой критиковал те социалистические учения, в которых прослеживались доктринерский, насильственный характер, возвеличивание материальной сферы общества за счет духовности. Он был сторонником «социализации», т.е. обобществления земли. Социализм Л.Н. Толстого в большей степени, чем у остальных народников, носит аграрный, крестьянский характер. Он считал сельскохозяйственный труд самым естественным для русского человека.

Для идеологов народничества характерно неприятие этатизма, рассматривающего государство как высший результат и цель общественного развития. Н.А. Бердяев в «Русской идее» отмечал, что «анархический элемент был во всем русском народничестве» [6, с. 144]. Современный исследователь народничества В.Ф. Антонов [7] характеризует виднейших идеологов народничества (М.А. Бакунина, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского) как анархистов-федералистов. Русских народников можно считать анархистами, если

под анархией понимать общество, порядок в котором основан на взаимопонимании и взаимопомощи, а не на насилии. Они отрицали не столько власть, сколько произвол и принуждение, т.е. ее отсутствие.

М.А. Бакунин тоже признает необходимость власти, но не верховной, полицейской, диктаторской, а власти, которая «...основывается на коллективе и становится откровенным выражением свободы каждого, истинным и верным воплощением воли всех. При этом каждый повинуеться только потому, что тот, кто руководит им в данный момент, приказывает ему то, чего он и сам хочет» [8, с. 194].

Поэтому русских народников правильнее называть не анархистами, а, используя термин А.Ф. Замалева, «пан-архистами», т.е., они были сторонниками всевластия народа.

Из понимания власти вытекает и понимание народниками демократии. Все народники, отмечая отдельные положительные стороны, критиковали западноевропейскую форму демократии с ее парламентской, партийной и избирательной системами. Они не считали эту форму демократии мировым эталоном и общечеловеческой ценностью.

Так, С.М. Кравчинский утверждал, что издревле мир с его самоуправлением в России был моделью верховной власти. Вертикаль власти строилась снизу вверх: «Верховная власть принадлежала всей массе народа, и где бы, когда бы он ни собирался, его воля была законом» [9, с. 15]. Он подчеркивал, что в славянской вечевой форме демократии всегда отсутствовала какая-либо система голосования, вытекавшая из принципа подчинения меньшинства решению большинства. В ее основе лежали принципы единогласного решения и уважения к правам меньшинства.

В народническом понимании демократия и монархия могут быть не антагонистичны. «Анархистскими монархистами» (термин Н.А. Бердяева), в отличие от приверженцев абсолютистского монархизма, были К.С. Аксаков, А.И. Герцен, М.А. Бакунин, П.Н. Огарев, Ф.М. Достоевский и др. Источником власти для них всех являлся народ, а не Бог. Поэтому земский царь должен всенародно избираться. Земский царь, как и староста, лишь первый среди равных. Как староста зависит от общинной воли сельского или городского мира, так и земский царь должен зависеть от всенародной воли Земского собрания.

Земская монархия как идеал отечественной государственности имеет в народнической мысли двойное понимание. Согласно первой точке зрения (Н.П. Огарев), земство и земский царь не имеют ничего общего собственно с государством, являющимся прежде всего западноевропейским институтом. Согласно второй точке зрения (К.С. Аксаков), земская монархия – это наилучшая для России форма государственной власти, она хотя и зло, но зло меньшее.

В народническом понимании равноценны два типа национальной государственности: земская монархия

и земская республика. Причем они могут не противоречить друг другу, быть тождественными.

А.П. Щапов в своей концепции земского народосоветия, отдавая должное принципам народоправства, допускал, тем не менее, вероятность их реализации в сочетании с монархизмом. Возможный будущий дуалистический строй он называл «народосоветием пред царем».

Последним из компонентов классического народничества является федерализм. По сравнению с теоретиками ортодоксального марксизма, тяготевшими не к федералистской, а к централистской модели государства, большинство народников рассматривали федерацию как идеал государственности. Но одни из них (П.Л. Лавров и П.Н. Ткачев) выступали за установление в России сначала диктатуры победившей партии (только для П.Л. Лаврова это партия народа, для П.Н. Ткачева – партия заговорщиков-интеллигентов), из «центра» декретирующей социализм, другие (М.А. Бакунин, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, А.П. Щапов) считали, что федерация и самоуправление представляют собой не только отдаленный во времени идеал, но и необходимое средство приближения к нему.

Федерация в народничестве – это форма самоорганизации гражданского сообщества, строящаяся спонтанно «снизу вверх» и от «периферии к центру», начиная от свободных индивидов, объединенных в общины (коммуны), продолжая промежуточными стадиями (от волости к округу, от округа к области) и заканчивая Всероссийской федерацией у Н.Г. Чернышевского, Славянской федерацией у А.И. Герцена и Соединенными Штатами Мира («интернациональная конфедерация») у М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина.

Основополагающим в идеологии классического народничества является синтез политической свободы и социальной справедливости, т.е. демократическое федеративное устройство должно быть дополнено социализмом. Говоря современным языком, государство должно быть не только правовым и демократическим, но и социальным. У А.И. Герцена и Н.П. Огарева этот синтез выражался в лозунге «Земля и Воля».

Ошибочно мнение, согласно которому принцип федерализма, признавая право наций на самоопределение, неминуемо ведет к сепаратизму и тем самым разрушает любое единство. Отсюда и традиция характеризовать две различные формы государства как федеративную (от лат. *foedus* – договор, союз) и унитарную (от лат. *unitas* – единство). Народники-федералисты считали, что единство не есть самоцель, достигаемая любыми средствами, и признавали, вслед за М.А. Бакуниным, лишь то единство, «...которое свободно образуется через федерацию автономных частей в одно целое, с тем чтобы это последнее, не будучи больше отрицанием частных прав и интересов,

кладбищем, где насильственно хоронят всякое местное процветание, стало, напротив, подтверждением и источником всякой автономии и процветания» [8, с. 21]. Народники, таким образом, являются прямыми предшественниками альтернативного глобализма.

Будучи последовательными демократами-интернационалистами, народники выступали за федеративное устройство России и всего мира в целом, за целостность и единство, растущее снизу вверх и основанное на учете интересов всех частей, за сохранение регионального, национального, культурного многообразия всех субъектов (именно субъектов, а не только управляемых объектов), входящих в федерацию. Главный же критерий, согласно духу народничества, отличающий мнимую федерацию от подлинной, – это высокая степень свободы, духовного и интеллектуального развития, экономическое процветание каждого отдельного человека, живущего в ней.

Таким образом, базовыми компонентами «русской», интегральной идеологии народничества, на наш взгляд, являются:

1. **Приоритетность общенародного согласия** и по преимуществу мирных средств его достижения перед классовой борьбой, узкогрупповыми интересами и насильственными методами. Принцип компромиссного взаимного примирения и согласия наиболее полно проявился в идеях Земского собора (Учредительного собрания) и «непротivления злу насилieм» (Л.Н. Толстой).

2. **Синтез принципов свободы личности и социальной справедливости** (равенства стартовых возможностей для каждого индивидуума), воплощенный в концепции «русского социализма» (М.А. Бакунин, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.Г. Чернышевский, Л.А. Тихомиров, Ф.М. Достоевский и др.).

3. **Стремление к такой национальной государственности**, в которой права и свобода меньшинства, а также большинства не приводят к единоличной или групповой тирании как над большинством, так и над меньшинством, а основой формирующейся нации и целью политики является добровольное ассоциирование свободных творческих личностей. Именно такое стремление ярко выразилось в народническом антиэтатизме – в концепциях «народосоветия» А.П. Щапова, «земской монархии» М.А. Бакунина и Н.П. Огарева, «народной монархии» Л.А. Тихомирова, «земской республики» А.И. Герцена.

4. **Добровольное союзное объединение самоуправляющихся местных общин, областей и народов** в органичном сочетании с исторической целостностью России наиболее полно выражено в народническом федерализме, региональной разновидностью которого, к примеру, является сибирское областничество.

Библиографический список

1. Жукоцкий, В.Д. Народничество русской интеллигенции и культуры / В.Д. Жукоцкий, Ф.П. Фурман // Философия и общество. – 2004. – №3.
2. Ойзерман, Т.И. Является ли либерализм только идеологией? / Т.И. Ойзерман // Социальные исследования. – 2003. – №3.
3. Обращение Исполнительного комитета к американскому народу // Литература партии «Народная воля». – М., 1930.
4. Герцен, А.И. Сочинения : в 2 т. / А.И. Герцен. – М., 1985. – Т. 2.
5. Герцен, А.И. Собрание сочинений : в 30 т. / А.И. Герцен. – М., 1959. – Т. 19.
6. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – Харьков, 2000.
7. Антонов, В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности / В.Ф. Антонов // Вопросы истории. – 1991. – №1.
8. Бакунин, М.А. Философия. Социология. Политика / М.А. Бакунин. – М., 1989.
9. Степняк-Кравчинский, С.М. Сочинения : в 2 т. / С.М. Степняк-Кравчинский. – М., 1987. – Т. 1.